

Н.В. Акиндинова

НИУ ВШЭ, Москва

А.Г. Назарова

НИУ ВШЭ, Москва

А.А. Чепель

НИУ ВШЭ, Москва

Макросектора в российской экономике: структурные особенности и реакция на изменение внешних условий¹

Аннотация. В статье дан обзор структурных изменений в российской экономике в 2005–2016 гг. на фоне отдельных развитых и развивающихся стран. Предложено институциональное объяснение торможения процесса структурных изменений в России. Сделана оценка модельной структуры валовой добавленной стоимости в разрезе первичных доходов (с учетом ненаблюдаемой оплаты труда) и соотношения между динамикой валовой прибыли и инвестиций для трех макросекторов российской экономики: сырьевого, крупного несырьевого, малого и среднего бизнеса. Показано, что рост доли прибыли в структуре добавленной стоимости привел к росту инвестиций только в сырьевом макросекторе. В то же время в секторе крупного несырьевого бизнеса норма инвестиций снижалась на фоне повышения доли прибыли, а в малом и среднем бизнесе, напротив, норма инвестиций увеличивалась на фоне снижения доли прибыли и роста доли оплаты труда, в том числе ее скрытой части. Авторы предлагают полнее учитывать особенности институциональных макросекторов при формировании направлений структурной политики.

Ключевые слова: *отраслевая структура, экономический рост, макросектора экономики, структурная политика.*

Классификация JEL: E20, E22, E24.

DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-6

1. Экономический рост и структурные изменения в России в сравнении с зарубежными странами

В последние годы темпы экономического роста в России радикально снизились. Среднегодовой темп роста ВВП в 2009–2017 гг. составил всего 0,7% против 6,9% в 1999–2008 гг. Существует ряд причин этого замедления. Одни эксперты считают главной из них затухание процесса перехода от плановой к рыночной экономике и сопровождавших его структурных сдвигов, которые внесли решающий вклад как в трансформационный спад 1990-х годов, так и в восстановительный рост 2000-х годов, и переход России к «новой нормальности», характеризующейся устойчиво низкими темпами экономического роста (Бессонов и др., 2010). Другие эксперты связывают произошедшее замедление преимущественно с исчерпа-

нием потенциала сырьевой модели роста, потерей конкурентоспособности торгуемых нефтегазовых секторов — «голландской болезнью» (Mironov, Petronevich, 2015), а затем — и с падением нефтегазовых поступлений, которые некоторое время поддерживали внутренний спрос и динамику производства, компенсируя институциональную неэффективность экономики и риски для инвесторов (Akindinova et al., 2016). В любом случае возможности ускорения экономической динамики связаны с изменением модели роста. При этом существенными ограничениями, которые необходимо учитывать, являются сокращение численности и старение трудоспособного населения, а также ограничение доступа к финансовым ресурсам и технологиям в связи с западными санкциями.

В 2000-е годы отраслевая структура российской экономики в постоянных ценах² меня-

¹ Статья подготовлена по результатам исследования НИУ ВШЭ «Структурные изменения в российской экономике и структурная политика» (Симачев и др., 2018).

лась очень интенсивно. Сокращение доли сельского хозяйства и промышленности сопровождалось увеличением доли услуг (информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), финансового сектора, а также деловых услуг и услуг для населения). В то же время доли услуг бюджетного сектора (образования и здравоохранения) в этот период сократились³. Доля добывающего сектора, несмотря на некоторое снижение, осталась на высоком уровне. Такие структурные изменения стали следствием нескольких наложившихся друг на друга трендов: восстановительной фазы переходного процесса в российской экономике, общемирового тренда на возрастание удельного веса и значимости сектора услуг в экономике, роста нефтегазовых поступлений и укрепления рубля, способствовавших опережающему развитию неторгуемых секторов, формирования институциональных структур, настроенных на перераспределение нефтегазовых, монопольных и других рентных доходов.

Снижение темпов роста после кризиса 2008–2009 гг. сопровождалось затуханием процесса структурных изменений. Тем не менее рост доли услуг, обусловленный общемировыми тенденциями, продолжался и в этот период.

Межстрановому анализу структурных изменений посвящена масса литературы. В докладе ООН (Trade and Development Report, 2016) рассмотрена динамика укрупненных секторов экономики с 1970 г. В докладе Еврокомиссии (EU Structural Changes, 2015) подробно описаны тенденции последних 15 лет. С 2000 по 2014 г. доля обрабатывающей промышленности в странах ЕС сократилась на

3,5 п.п. — с 18,8 до 15,3%. Наибольшее снижение при этом было характерно для стран, уже изначально имевших относительно низкую долю промышленности в экономике (рис. 1).

Характерно, что, как и в России, в развитых странах (Франции, США и Великобритании) кризис не переломил тенденцию опережающего роста секторов, предоставляющих услуги бизнесу и населению. Существующий разрыв между развитыми и развивающимися (а также ресурсно-ориентированными) странами в динамике отрасли информации и связи постоянно углубляется. Несмотря на постепенный рост ее доли в структуре экономики, отставание России от развитых стран накапливается. За период 2005–2015 гг. доля этого сектора выросла лишь на 0,6 п.п., в то время как в ряде таких стран, как Великобритания, Германия и США, прирост составил 1 п.п. и более.

За последние десять лет доля образования в ВВП стала плавно снижаться (особенно в развитых странах). Этот процесс связан, в частности, с переходом части образовательных функций к информационным системам. Тем не менее Россия, демонстрируя ту же тенденцию, резко (почти в два раза в меньшую сторону) отличается от рассматриваемых стран по уровню вклада образования в ВВП (рис. 1). Что касается здравоохранения, здесь, как и в сфере информационно-компьютерных технологий (ИКТ), разрыв между развитыми и развивающимися странами быстро увеличивается, особенно с учетом того что в российской экономике доля здравоохранения в ВВП в постоянных ценах не только низкая, но и снижается, что для развитых стран в целом нехарактерно.

² Анализ изменений в структуре валовой добавленной стоимости в текущих ценах не позволяет отделить влияние ценовых факторов от динамики физических объемов производства. Это особенно существенно для российской экономики, ВВП которой зависит от крайне волатильных цен на углеводороды. Анализ структуры ВДС в постоянных ценах позволяет оценить более фундаментальные изменения.

³ Следует отметить, что в текущих ценах доли в ВВП образования и здравоохранения за тот же период практически не изменились, а доля государственного управления, напротив, выросла. Согласно методике, применяемой Росстатом, рост бюджетных расходов мало сказывается на физических объемах предоставляемых бюджетных услуг, отражаясь в основном на дефляторе. Существуют и альтернативные экспертные оценки динамики услуг общественного сектора, которые указывают на более быстрый рост физических объемов, чем официальные данные. В публикациях Мирового банка, ОЭСР и других международных организаций обычно используются данные об объемах государственных и частных расходов на образование и здравоохранение относительно ВВП. Эти оценки всегда выше, чем доли соответствующих видов деятельности в структуре произведенного ВВП, поскольку они включают промежуточное потребление.

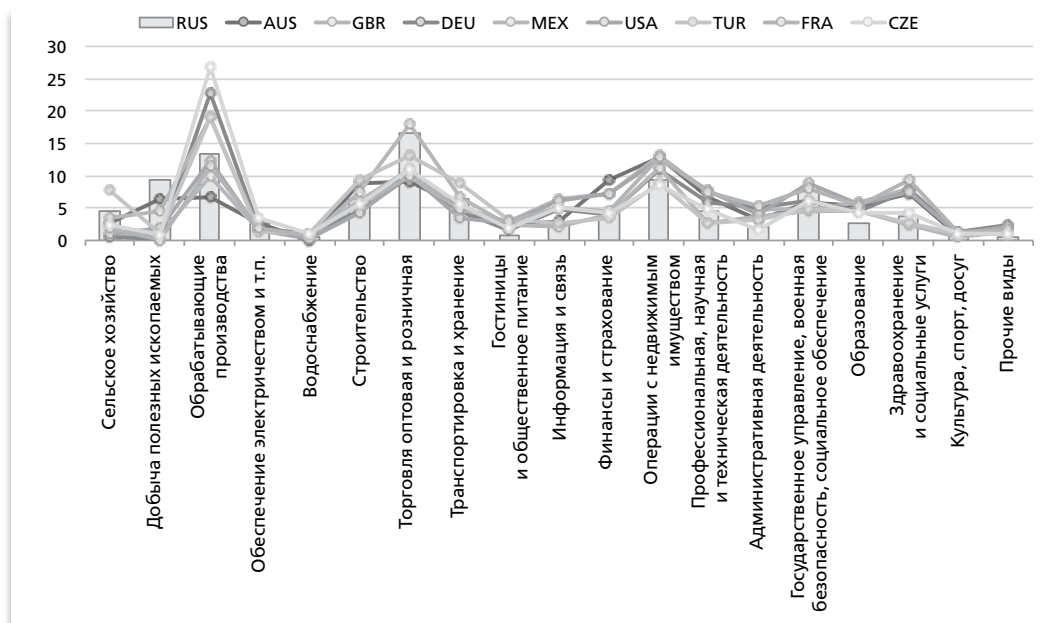

Рис. 1

Доля видов деятельности в ВВП России (в постоянных ценах 2016 г.) и зарубежных стран (в постоянных ценах 2015 г.) в 2015 г., в %

Примечание. RUS – Россия, AUS – Австралия, GBR – Великобритания, DEU – Германия, MEX – Мексика, USA – США, TUR – Турция, FRA – Франция, CZE – Чехия.

Источники: ОЭСР, Росстат, расчеты авторов.

2. Макросектора в российской экономике: данные и методология

Наряду с глобальными факторами структурных изменений в России действуют индивидуальные страновые, которые скорее способствуют закреплению сложившейся отраслевой структуры, чем ее изменению. В ходе институциональной трансформации в России сложилась своеобразная модель экономики, состоящая из трех макросекторов (не считая бюджетного) с различным уровнем рентабельности, различными взаимоотношениями с государством и доступом к рентным доходам, различными механизмами адаптации

к изменениям внешних условий. Это – сырьевой, крупный несырьевой и малый и средний бизнесы⁴. Несмотря на то что границы этих секторов не вполне совпадают с границами видов экономической деятельности, мы можем условно отнести каждый вид деятельности к одному из макросекторов, исходя из преобладающей в нем финансовой модели⁵.

Для оценки структурных характеристик макросекторов и анализа их реакции на изменение внешних условий для каждого вида экономической деятельности нами были построены модельные счета валовой добавленной стоимости (ВДС) в рыночных ценах по видам

⁴ Данный подход был впервые предложен в работе (Akudinova, Kuzminov, Yasin, 2016).

⁵ В работе (Akudinova, Kuzminov, Yasin, 2016) к «Сырьевому бизнесу» были отнесены «Добыча полезных ископаемых», «Производство кокса и нефтепродуктов», «Оптовая торговля топливом», «Транспортирование по трубопроводам»; к сектору «Крупный несырьевой бизнес» – «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии газа и воды», «Строительство», «Транспорт и связь» и «Финансовая деятельность» (за вычетом компонентов, отнесенных к «Сырьевому бизнесу»); к сектору «Малый и средний несырьевой бизнес» – «Сельское хозяйство», «Рыболовство и рыбководство», «Оптовая и розничная торговля», «Гостиницы и рестораны», «Операции с недвижимостью, аренда и предоставление услуг», «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг» (также за вычетом компонентов, отнесенных к «Сырьевому бизнесу»).

первичных доходов. Период расчетов охватывал 2011–2016 гг., поэтому для получения сопоставимых оценок использовалась классификация отраслей в ОКВЭД за 2007 г.⁶ В ходе расчетов были использованы прямые данные, содержащиеся в системе национальных счетов⁷, отдельные виды первичных доходов, которые отрасль получала от участия в процессе производства, при наличии данных только для экономики в целом. Эти данные были распределены по отраслям. Затем потоки первичных доходов были агрегированы по разделам ОКВЭД (с выходом на отраслевые оценки объемов ВДС в рыночных ценах) и состыкованы с компонентами валового внутреннего продукта по источникам доходов и номиналами ВВП.

Отраслевого распределения (и формулирования расчетных гипотез) потребовали три показателя: «оплата труда и смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами»; рассчитанные на основе баланса «субсидии на продукты»; «налоги на продукты».

Для показателя «оплата труда и смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами» была принята гипотеза об отраслевом распределении общей величины скрытых в экономике заработков в соответствии со структурой отраслевых досчетов ВДС на ненаблюдаемое производство, так как досчеты закономерно влекут за собой появление неучтенных доходов. Расчеты были выполнены с использованием оценочных данных Росстата о корректировке ВДС на экономические операции, не наблюдаемые прямыми статистическими методами (по видам экономической деятельности)⁸. Для 2011–2015 гг. расчет номинальных объемов корректировки ВДС был выполнен с использованием данных статистического сборника «Национальные счета России». Для 2016 г. — доли, корректирующие ВДС отраслей, были сохранены на уровне

отчета 2015 г., в связи с двухлетним временным лагом в официальной публикации показателя. Для распределения субсидий на продукты была принята гипотеза о том, что их преимущественно получают три отрасли — «Сельское хозяйство» (раздел А), «Обрабатывающие производства» (раздел D) и «Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг» (раздел O), что соответствует текущим приоритетам налогово-бюджетной политики. Распределение общего объема субсидий на продукты предполагалось пропорциональным стоимости произведенных и реализованных товаров и услуг. Отраслевое распределение налогов на продукты выполнено с использованием статистики Федеральной налоговой службы (ФНС) РФ и Федерального казначейства РФ и сбалансировано с данными национальных счетов (объемами налогов на продукты по экономике в целом в счетах производства ВВП).

Далее, для каждого вида экономической деятельности был выполнен свод всех видов первичных доходов по следующей схеме (в текущих ценах, млрд руб.):

$$Y_i = L_i + NOTpr_i + GP \& GMI_i + NTp_i,$$

где i — вид экономической деятельности (отрасль); Y_i — расчетный объем первичных доходов отрасли; L_i — оплата труда наемных работников (включая оплату труда и смешанные доходы, не наблюдаемые прямыми статистическими методами); $NOTpr_i$ — другие чистые налоги на производство (сальдо других налогов на производство и субсидий на производство); $GP \& GMI_i$ — валовая прибыль и валовые смешанные доходы; NTp_i — чистые налоги на продукты (сальдо налогов на продукты и субсидий на продукты).

Проведенные расчеты позволили сбалансировать отраслевые оценки ВДС в рыночных ценах, полученные расчетным путем, с объемом ВВП по источникам формирования

⁶ Расчет выполнен по данным Росстата, обновленным 21.07.2017.

⁷ В рамках данной работы нам пришлось ограничиться включением в состав «Сырьевого бизнеса» только «Добычи полезных ископаемых», поскольку данные системы национальных счетов, на которые мы в основном опирались, не позволяют использовать более подробную детализацию.

⁸ На основании таблиц № 2.5.35–2.5.39 статистических сборников «Национальные счета России» (http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_15/Main.htm).

первичных доходов. Наконец, на основе полученных расчетных показателей по отдельным видам деятельности нами были получены агрегированные оценки для макросекторов (Приложение, табл. П1).

2. Характеристики макросекторов и их реакция на изменение внешних условий

Полученные нами параметры структуры распределения валовой добавленной стоимости по видам первичных доходов, а также динамики соотношения ВДС с динамикой валовой прибыли и инвестиций позволили количественно оценить различия в финансовых моделях функционирования макросекторов и их реакцию на изменение внешних условий, в частности условий торговли в 2014–2016 гг. по сравнению с более благополучным периодом 2011–2013 гг.

Особенностью российского сырьевого бизнеса (рис. 2) является его исключительно высокая прибыльность, обеспеченная нефтегазовой рентой, которая сохраняется, несмотря на прогрессивный характер экспортных пошлин и НДС. Благодаря тому что абсолютная и относительная налоговая нагрузка на сектор упала в период радикального снижения цен на нефть в 2014–2016 гг., доля прибыли в структуре ВДС сырьевого сектора увеличилась, обеспечив условия для роста инвестиций.

При этом, несмотря на выдающиеся финансовые показатели, совокупная факторная производительность в сырьевом бизнесе непрерывно снижается с середины 2000-х годов (Приложение, табл. П2). Радикальное изменение условий торговли в 2014–2016 гг. не привело ни к снижению концентрации ресурсов в сырьевом бизнесе, ни к росту его внутренней эффективности. Монопольное положение ключевых предприятий этого сектора способствует сохранению их контроля над рентой и высокой доходности, что, в свою очередь, поддерживает рендоориентированное поведение в несырьевых секторах экономики.

Для видов экономической деятельности, которые мы объединили в макросектор «Крупный несырьевой бизнес» (рис. 3), характерны иные тенденции. В его структуре преобладают старые или традиционные предприятия, имеющие доступ к бюджетным ресурсам через механизмы государственного заказа, субсидий и государственных инвестиций. Также предприятия этого макросектора являются крупными работодателями, выплачивающими в основном белую заработную плату. Три из пяти отраслей, которые мы отнесли к этому макросектору, с 2011 по 2016 г. получили возможность нарастить долю прибыли за счет экономии на фонде оплаты труда (две — за счет сокращения численности рабочих мест). Однако, в отличие от сырьевого бизнеса, ни

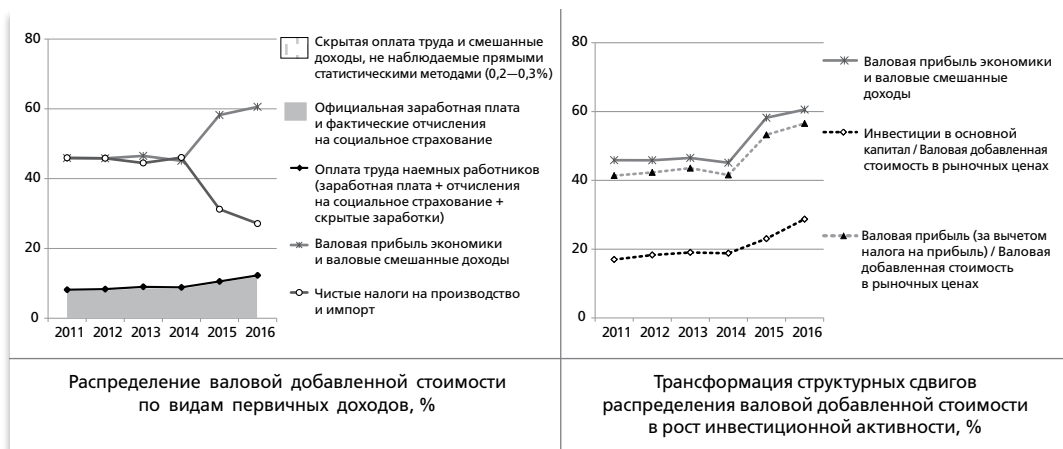

Рис. 2

Сырьевой сектор

Источники: Росстат, расчеты авторов.

в одной из них рост доли прибыли не сопровождался увеличением нормы инвестиций. Прекращение роста, или даже падение совокупной факторной производительности, показывает, что предприятия не могут добиться повышения внутренней эффективности, даже если они сокращают издержки на труд. Несмотря на отсутствие прямого доступа к нефтегазовой ренте и сокращение объемов ее перераспределения через бюджет в 2014–2016 гг., крупный несырьевой бизнес продолжает получать его опосредованно – через ограничение конкуренции и механизмы бюджетной поддержки. Стимулы к повышению конкурентоспособности и роста продаж на рынке в итоге остаются слабыми.

Для видов экономической деятельности с преобладанием малого и среднего бизнеса (рис. 4) характерны в целом более высокий уровень конкуренции и отсутствие доступа к государственной поддержке (исключение – масштабно субсидируемое сельское хозяйство). Высокие риски и небольшая доходность в этом макросекторе компенсируются массовым уходом от налогообложения. Среди изменений, произошедших в 2011–2016 гг., прежде всего следует отметить рост нормы инвестиций, который происходит даже на фоне снижения доли прибыли в структуре добавленной стоимости. Немного лучше выглядит этот сектор и с точки зрения динамики совокупной факторной производительности. Ее сниже-

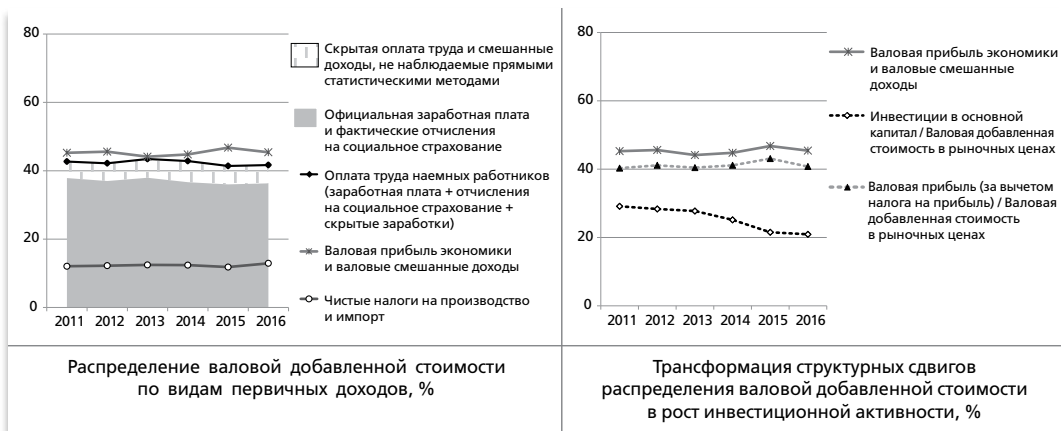

Рис. 3

Крупный несырьевой бизнес

Источники: Росстат, расчеты авторов.

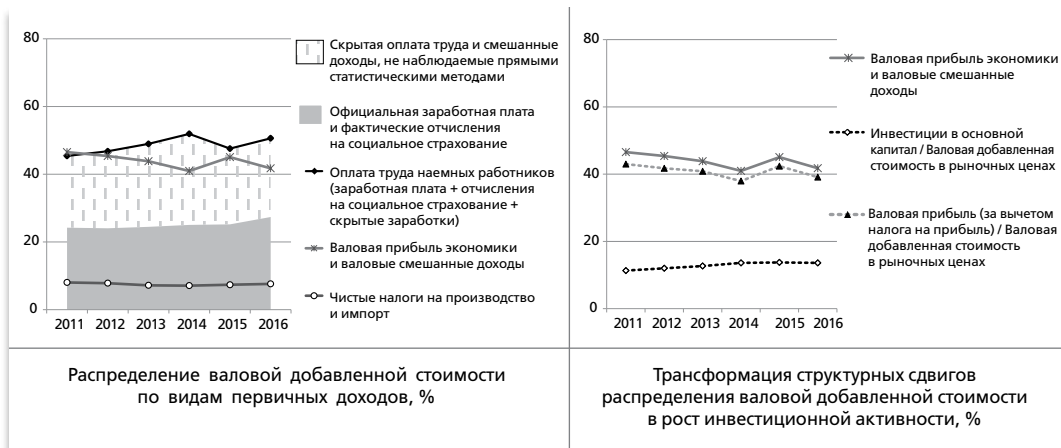

Рис. 4

Малый и средний бизнес

Источники: Росстат, расчеты авторов.

ние после 2008–2009 гг. в этом макросекторе было меньше, чем в среднем по экономике. Несмотря на ухудшение общих условий функционирования неторгуемых секторов после падения цен на нефть, доля сектора услуг в структуре экономики, как отмечалось выше, продолжает расти. Помимо уже перечисленных преимуществ, этот рост связан с более низкими барьерами для проникновения новых технологий, чем у традиционных производств, и более конкурентной средой. При этом важно, что в сфере услуг бизнесу и населению, относящейся к сектору «Малого и среднего бизнеса», наблюдается высокий спрос и высокая отдача от высшего образования. Там самым возможным способом получать высокую заработную плату (пусть и не облагаемую налогом) позволяет сохранять в стране рабочие места для людей с высшим образованием, которые иначе могли бы рассматривать эмиграцию как одну из возможных стратегий.

3. Заключение и выводы в контексте формирования структурной политики

В последние годы темпы роста российской экономики радикально замедлились, как и процессы структурных изменений. Помимо других значимых факторов (демографических, технологических, внешнеполитических), мы объясняем это наличием в российской экономике плохого институционального равновесия. Сырьевой бизнес, крупный несырьевой бизнес и малый и средний бизнес по-разному реагируют на изменение соотношения «риск — доходность». Так, проведенный нами анализ реакции макросекторов на изменение внешних условий показал, что

сокращение доли фонда оплаты труда и рост доли прибыли в ВДС в ряде секторов не привели к росту доли инвестиций (исключение — сырьевой бизнес).

Жесткие границы макросекторов и их институциональная устойчивость ограничивают возможности для проведения как горизонтальной, так и вертикальной (чисто отраслевой) структурной политики без учета особенностей функционирования макросекторов.

1. Ключевым направлением политики в сырьевом секторе является борьба с монополизмом и избыточной концентрацией, которые, наряду с доступностью рентных сверхдоходов, формирует низкий внутренний уровень эффективности этого сектора.

2. Для «Крупного несырьевого бизнеса» ключевой является политика, направленная на повышение конкурентоспособности и рост продаж продукции на внутреннем и внешнем рынках с постепенным выходом из режима государственной поддержки.

3. Что касается сектора малого и среднего бизнеса, можно утверждать, что интенсивная борьба с теневыми заработками в нынешних условиях не является действенным механизмом выравнивания конкурентных условий, поскольку распространение теневой занятости и оплаты труда имеет преимущественно отраслевой характер. Для многих предприятий этого макросектора, относящихся к сфере рыночных услуг, уход в тень является единственным способом поддержания экономической активности в условиях вялой динамики спроса и отсутствия доступа к государственным ресурсам. Предпочтительнее иметь программу постепенного снижения доли теневых заработков.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица П1

Ключевые параметры макросекторов в 2011–2016 гг., % к ВДС

Год	Сырьевой бизнес	Крупный несырьевой бизнес	Малый и средний бизнес
	1	2	3
Оплата труда наемных работников (официальная + начисления + скрытая), всего			
2011	8,2	42,7	45,4
2012	8,3	42,2	46,8
2013	9,0	43,4	49,0
2014	8,8	42,8	51,9
2015	10,5	41,4	47,6
2016	12,3	41,7	50,6
Чистые налоги на производство и импорт			
2011	46,0	12,0	8,0
2012	45,8	12,2	7,8
2013	44,5	12,4	7,2
2014	46,0	12,4	7,1
2015	31,2	11,8	7,4
2016	27,1	12,9	7,6
Валовая прибыль экономики и валовые смешанные доходы			
2011	45,9	45,3	46,5
2012	45,8	45,6	45,4
2013	46,5	44,1	43,8
2014	45,1	44,8	41,0
2015	58,2	46,8	45,1
2016	60,6	45,4	41,8
Инвестиции в основной капитал			
2011	17,0	29,1	11,3
2012	18,3	28,3	12,0
2013	19,0	27,7	12,7
2014	18,8	25,1	13,6
2015	23,1	21,5	13,7
2016	28,7	20,9	13,6

Источники: Росстат, Федеральная налоговая служба РФ, Федеральное казначейство РФ, расчеты авторов.

Таблица П2

Динамика совокупной факторной производительности в отраслях экономики,
базовый год – 1995 г. =100 %

Отрасль	Год			
	2000	2005	2010	2014
Всего	108,1	126,2	126,1	124,9
Сельское хозяйство и др.	121,4	141,9	143,8	175,4
Добыча полезных ископаемых	92,9	108,7	81,1	65,9
Обрабатывающие производства	114,2	134,5	119,7	123
Электричество, газ, вода	87,8	96,5	75,0	64,5
Строительство	104	136,7	150,3	145,2
Оптовая и розничная торговля	95,9	119,2	135,9	132,1
Гостиницы и рестораны	89,2	96,7	113,2	113,9
Транспортировка, хранение и связь	109,2	121,4	115,4	116,2
Финансовое посредничество	88,2	213,2	295,4	349,9
Недвижимость, аренда, услуги	231,9	246,8	305,3	312,8

Источники: Система отраслевых счетов экономического роста Russia KLEMS, расчеты авторов.

ЛИТЕРАТУРА

- Бессонов В., Гимпельсон В., Ясин Е., Кузьминов Я.** (2010). Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики. В сб.: «X Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества». Ясин Е.Г. (ред.). М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. Кн. 1. С. 11–61.
- Симачев Ю.В., Акиндинова Н.В., Яковлев А.А.** и др. (2018). Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка. Тез. докл. на XIX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 10–13 апр. 2018 г. Ясин Е.Г. (науч. рук.). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Akindinova N., Kuzminov Y., Yasin E.** (2016). Russia's Economy: Before the Long Transition // *Russian Journal of Economics*. Vol. 2 (3). P. 219–245.
- Mironov V., Petronevich A.** (2015). Discovering the Signs of Dutch Disease in Russia // *Resources Policy*. Vol. 46. P. 97–112.
- Pashev K., Casini P., Kay N., Pantea S.** (2015). EU Structural Changes 2015. [Электронный ресурс] European Commission, DOI: 10.2873/64651. Режим доступа: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/74b8adeb-f245-46f0-bd12-4ae6c0650385>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: июнь 2018 г.).
- Trade and Development Report (2016). United Nations. New York, Geneva.

Поступила в редакцию 16 мая 2018 г.

REFERENCES

(with English translation or transliteration)

- Akindinova N., Kuzminov Y., Yasin E.** (2016). Russia's Economy: Before the Long transition. *Russian Journal of Economics*, 2 (3), 219–245.

- Bessonov V., Gimpelson V., Yasin E., Kuzminov Ya.** (2010). Productivity and factors of the long-term development of the Russian economy. X International Academic Conference on Economic and Social development, Proceedings in 3 vol. Edited by: Yasin E.G., Publishing House of the Higher School of Economics, 1, 11–61 (in Russian).
- Mironov V., Petronevich A.** (2015). Discovering the signs of Dutch disease in Russia. *Resources Policy*, 46, 97–112.
- Pashev K., Casini P., Kay N., Pantea S.** (2015). EU Structural Changes 2015. European Commission, DOI: 10.2873/64651. Available at: <https://publications.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/74b8adeb-f245-46f0-bd12-4ae6c0650385> (accessed: June 2018).
- Simachev Yu., Akindinova N., Yakovlev A.** et al. (2018). Structural Policy in Russia: New Conditions and a Possible Agenda. Report thesis, XIX April International Academic Conference On Economic and Social Development, Moscow, 10–13 April 2018 /; Academic Supervisor E. Yasin; National Research University Higher School of Economics. — Moscow, Publishing House of the Higher School of Economics (in Russian).
- Trade and Development Report (2016). United Nations. New York, Geneva.

Received 16.05.2018

N.V. Akindinova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

A.G. Nazarova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

A.A. Chepel'

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Macro-Sectors in the Russian Economy: Structural Aspects and Responses to the External Conditions Changes

Abstract. The article includes the review of the structural changes in the Russian economy in 2005–2016 compared to some developed and developing countries. The authors suggest an institutional explanation to the slow-up of the structural changes in Russia. The modelled value added structure was constructed in terms of the primary income groups (hidden wages and salaries included) and the relationship between the gross operating surplus behavior and investment behavior for three macro-sectors of the Russian economy: commodity-driven business, large non-commodity-driven business, SME. It is shown in the article that the growth of the surplus share in the value added structure resulted into the investment growth only in the commodity-driven macro-sector. In the large non-commodity-driven sector the investment share declined under the surplus share growth. In SME sector the investment share was growing under the surplus share decline and wages and salaries share growth (including hidden wages and salaries). The authors suggest better taking the specific differences between the institutional macro-sectors into account when shaping the structural policy agenda.

Keywords: *sectoral structure, economic growth, economic macro-sectors, structural policy.*

JEL Classification: E20, E22, E24.

DOI: 10.31737/2221-2264-2018-39-3-6